

СМ НОВИНКИ

УРАЛЬСКИЙ САМОРОДОК

Автор книги «Мамин-Сибиряк» Николай Сергванцев, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», открывает читателям сложную и трагичную историю писателя уральца. Исследование Сергванцева - попытка привлечь внимание к творчеству Мамина-Сибиря-

ка, который так и не дождался достойного признания и оценки. Между тем сегодня многие книги писателя, в том числе «Приваловские миллионы», «Золото» и другие, читаются совсем по-другому, а очевидные исторические аналогии наводят на невольные размышления о судьбе капитализма в России.

ЗАГЛЯНИ В ЗЕРКАЛО

«Через сто лет об этом все будет известно. Тогда станет понятно, кто же мы такие». Этими словами заканчивается роман знаменитого норвежского писателя Эрленда Лу «У», который представляет издательство «Азбука». Книга, как и все произведения автора, оригинальна и само-

бытна и мало напоминает современные романы европейских писателей. «У» - оригинальный синтез «Путешествия на «Кон-Тики» Тура Хейердала и «Пляжа» Алекса Гарленда. Герои романа отправляются в Полинезию с совершенно разными целями. Один хочет доказать, что жители архипелага прибыли на острова не на плотках, а на... коньках, а второй составляет периодическую систему приглянувшихся ему девушек.

НАШ ОТВЕТ РЕЗУНУ

Тайна, скрытая за трагедией 22 июня 1941 года, давно уже вызывает споры. Существует две версии случившегося. Обще-принятая - внезапное вероломное нападение фашистской Германии. Вторая придумана перебежчиком ГРУ, автором многочисленных книг

Суворовым-Резуном. По его версии, агрессию готовил Сталин, а Гитлер его просто опередил. В предлагаемой издательством «ОЛМА-ПРЕСС» книге Якова Верховского и Валентина Тырмоса «Сталин. Тайный «сценарий» начала войны» дается новое объяснение историческим событиям.

Книга написана в форме летописи. День за днем, час за часом, приводя личные свидетельства участников, рассекреченные документы, архивные материалы и мемуары, авторы помогают нам по-иному осмыслить и пережить те давние события.

ПОРА ПЕРЕКУСИТЬ

Книги Курта Брахарца «Гастророфский дневник» и «Исав насытившийся: записки циничного гурмана» - остроумная, яркая и талантливая попытка взглянуть на привычные вещи под новым углом. Еще Сальвадор Дали утверждал, что «челюсть - наш самый лучший инструмент познания». Так ли это? Пусть каждый делает выводы сам после прочтения парадоксальных гастро-литературных опытов Курта Брахарца.

Николай МОДЕСТОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАМПЕ

Когда в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко случился пожар, многие артисты и зрители прощались с этим замечательным музыкальным центром. Когда-то его еще восстанавливали! Его и не восстановили. Его перестроили так, что просто дух захватывает. То есть историческое здание с фасада осталось прежним, но интерьеры совершенно другие. Огромное фойе, просторное, где много воздуха и легко дышится. Элегантное сочетание цветов синего и белого. И это смогли увидеть гости, приглашенные на открытие малой сцены театра, которое состоялось на днях. Большинство гостей — архитекторы и строители.

Полтора года назад они сдали в эксплуатацию репетиционные залы, мастерские, склады, административные помещения. Было где репетировать - негде было выступать, некуда было приглашать зрителей. Сейчас создана малая сцена, и вот впервые здесь дан концерт артистов оперы и балета. Зал малой сцены (кстати, совсем немаленький) кажется слишком аскетичным. Зато все внимание зрителей должно привлекать действие. Малая сцена задумана открытой для экспериментальных постановок. Одна из них состоится в декабре - премьера музыкальной комедии Шостаковича «Москва - Черемушки».

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

Зачем сегодня ставить «Собачье сердце»? Лет двадцать назад, в годы перестройки, когда открывались закрытые архивы и возвращались запрещенные имена, таких вопросов не возникало, но ныне — иная ситуация. Вероятно, новый вариант откроет еще непознанные оттенки булгаковской мысли? Обнаружит переключку с нашим временем, расскажет о шариковых другой формации?

двух десятков присутствующих на сцене мало кто остается в памяти — не потому, что скверные актеры, а из-за невыстроенности постановщиком ни общего действия, ни жизни отдельной роли. Даже те, кому выпали значительные персонажи, — Иван Шабалтас (Преображенский) к примеру, — только напряженно пытаются переплавить режиссерскую противоречивость в нечто цельное.

ТЕАТРАЛЬНАЯ СУБПРОДУКЦИЯ

Перед премьерой Театра на М. Бронной, названной вполне призывно-рекламно — «Hot dog», предположений было множество, но ни одно не оправдалось. Показалось даже, что театр, имея два «Собачьих сердца» по соседству — в Театре Станиславского и МТЮЗе, выказал солидарность с коллегами, призывая публику идти к ним, а не к себе. Или, по крайней мере, перечитать самого Михал Афанасьевича, поскольку представленный театральный вариант не столько проясняет, сколько замарывает знаменитую повесть. Зритель, не знакомый с первоисточником, вряд ли вообще поймет, кто перед ним на подмостках и что там происходит, — а в результате зал придавливает необоримая скука.

На программке указано «сценическая редакция театра». Обычно это означает, что постановщик самолично выстраивает череду эпизодов. На сей раз в качестве режиссера-сценариста выступил молодой Дмитрий Петрунь, актер «Табакерки», в которой он поставил свой первый, довольно неплохой спектакль. Потом, правда, были еще несколько зрелищ, увы, по нисходящей, вплоть до откровенных провалов. Но в случае с начинающим всегда хочется надеяться на лучшее. Так, очевидно, подумали и в руководстве М. Бронной, рискнули и — проиграли.

В «Хот-дого» Петруня подвела прежде всего завышенная самооценка: в качестве литератора, автора пьесы он доказал свою полную несостоятель-

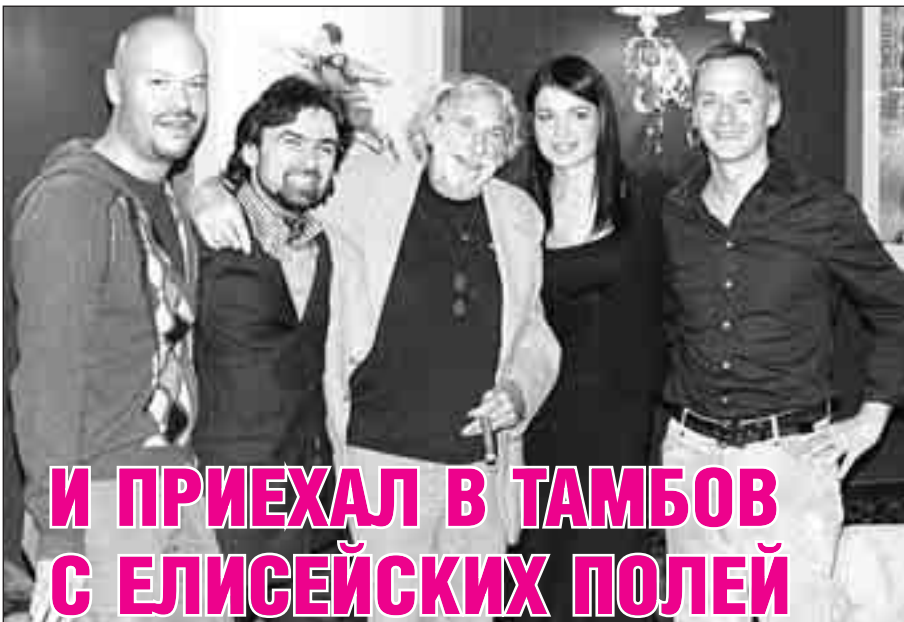
ность. Сцены и сценки, эпизоды — то краткие настолько, что невозможно понять происходящее, то растянутые до скуловодящей зевоты — насканивают друг на друга вне логики и внутреннего единства. Не стыкуются между собой ни по ритму, ни по внешнему рисунку, ни по смыслу — словно группе студентов режиссерского отделения дано одно задание и каждый старается повернуть его в свою сторону, наплевав на товарищей. Отдельные интересные находки — вроде появления Шарикова-человека из зрительного зала или собачьих переговоров — тонут в общей неразберихе, когда неясно, что из рассказываемого с подмостков главное блюдо, а что — гарнир. Вроде важно все, а в итоге — ничего не задерживает или не пробуждает ни внимания, ни ума, ни чувства.

Обиднее всего за актеров — их на сцене множество, как правило, ярко одетых, почти непрерывно куда-то бегущих или что-то танцующих, но в ловушке, куда их загнал режиссер, вынужденных в лучшем случае громко произносить текст. Одним из ярких примеров — сцена собачьей болтовни, о которой уже говорилось: актеры здесь согбенны в клетках, движения их скованны, рассмотришь их за прутьями невозможно, как толком и расслышать. Из добрых

Категорическое недоверие режиссера к артисту сказалось и в привлечении внехудожественных средств: тут и мальчик, призванный что-то символизировать, и симпатичный пес с кисточкой на хвосте, в котором никак не признать бездомного Шарика. Превалирование картинки самой по себе поддержано и сценографом Максимом Обрезковым (он же и художник по костюмам, на удивление разностильным) — опять-таки вне какой-либо связи со смыслом, но зато с потугами на необычность: черные пуговицы на медхалатах или темные карманы на военной форме. Впрочем, все детали вполне укладываются в триединую формулу: вторичность, претенциозность, приблизительность. При качественном функционировании постановочной части — все вовремя крутится, открывается, зажигается и гаснет — халтура сценографа становится особенно вопиющей. Театру на М. Бронной никак не удастся вылезти из полосы невезения — но зачем в профессиональной все же труппе приглашать людей, откровенно не заинтересованных не только в качественной, но просто добросовестной работе?

Тем не менее «Хот дог» в своем роде уникален: название совершенно соответствует качеству продукта: вроде и еда, но эрзац.

Мария ГОРБАЛЕТОВА

И ПРИЕХАЛ В ТАМБОВ
С ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЕЙ

Несколько лет назад Пьер Ришар снялся в грузинском фильме, теперь снимается в российском. Фильм называется «Парижане». Все парижане — из наших, из тамбовских. Французская звезда играет деда Елисея. Надо сказать, дедушка это непростой. Он ученый из замечательного племени чудиков. Многие персонажи — москвичи: депутат Госдумы, чиновник Минздрава, вышедший в тираж поп-певец, бизнесмен с бандитским прошлым, тренер по фитнесу... Все отправляются в Париж, но попадают в российскую глубинку. Ясно: тут без лукавого не обошлось. Тем более что тамбовский парижанин учитель Кувалдин мечтает возвести в родном селении Эйфельскую башню. Мол, Париж так Париж! Веселится бесенята. Что понятнее: фильм — детективно-коме-

дийный сериал. Впрочем, проза жизни тоже явственно проявляется. Если будет даже маленькая Эйфелева башня — хоть телефон в тамбовском Париже заработают.

В общем, режиссер Сергей Полянский и драматург Вячеслав Рогожкин обещают много сюрпризов.

Когда Пьера Ришара Мориса Шарля Леопольда Дефея (во как его по паспорту!) в начале осени попросили поехать в российскую глубинку, он спросил: «А там не холодно?» Продюсер Руслан Витрянюк ответил очень логично: «Там не холодно, там красиво». «Тогда еду», — ответил Пьер.

Снимаясь в грузинском фильме, меся Пьер пил много красного вина. В этот раз болялся перейти на водку. Но вот ведь до чего русская душа зага-

дочна: никто и не заставлял французского коллегу напиваться. В беседе с корреспондентом «МС» Пьер Ришар показал неплохое знание нашего киноискусства. Он восхищается Алисой Фрейндлих, Валерием Тодоровским, охотно снялся в телепрограмме Федора Бондарчука, которого считает очень симпатичным. Ну, и как все европейские звезды, благодарен русскому народу за... то, что мы с вами смотрим не только американские фильмы. И надеется за полгода съемок выучить русский язык. А еще — в апреле организовать фестиваль российского кино.

В фильме и русские звезды снимаются: Амалия Гольдманская, Евгений Стычкин, Георгий Мартиросян...

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

МЫ - ДЕТИ
ГАЛАКТИКИ?

Видимо, не зря занесло каким-то ветром русскую художницу Галину Тихомирову в Непал, чтобы она в своих работах показала: галактика уютна, а дорогая Земля жутковато просто. Она не только для добра, но и зла, того и гляди разорвется, и многое нам, грешным, надо постичь в парадоксах мироздания...

Работы Галины Тихомировой сейчас можно увидеть в Музее Востока. Она оказалась дерзкой художницей, ибо чуть ли не бросила вызов самому Рериху. В тибетской серии Рериха все-таки царит гармония. Малоизвестная Галина Тихомирова, изображая утро в горах, будит тревогу в душе зрителя... Если вы были утром в горах, согласитесь: как оно прекрасно и безмятежно. Оно и у Галины Тихомировой прекрасно. Но не безмятежно. Чревато катаклизмами. Угрожающими мирному жилищу человека. А вот ее пейзаж, лаконично обозначенный «Сосна». Сосна тоненькая и беззащитная. Что ее может защитить? Нет, не земные грозные горы, у подножия которых она выросла, а ласковое небо.

Зачем существует дорога, если не ведет к храму? Немножко надоел этот образ. Галина Тихомирова представляет его по-иному. Она изображает светлую лестницу, ведущую к храму, и чем выше ступеньки, тем светлее, а вот

вход в храм не сулит простой человеческой радости. Сулит познание контраста тьмы и света. Многие знания умножают печали. Но и ведут к постижению тайн.

В ее картине «На вершине», яркой и красивой, люди предстают и в радости, и в горе, и — главное: в раздумьях, и понимаешь, что совсем не уверена художница в том, что красота спасет мир. Мир — это бушующая стихия, которая не пощадит даже смиренного человека, которого прославляют и восточные, и христианские философы.

Галина Тихомирова — русский художник. Мятежный, очень далекий от стремления к нирване. Почувствовала необходимость отправиться в Тибет. И совершенно очевидно, что это не дань моде. Это стремление расширить горизонты. Один из пейзажей Галины Тихомировой называется «Там, где всегда облака». Вроде бы пронизанные светом, и под ними вечные горы. Да нет, у этой художницы и горы не предстают столь уж вечными. А облака — такие бурные и таинственные, что понимаешь летчиков, которые рискуют жизнью, но без неба жить не могут. Однако здесь истинное небо — над облаками, спокойно-синее и такое далекое, непостижимо безмятежное, может, потому и недоступное.

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ